

Николай Брешко-Брешковский

**В Ясной Поляне у графа Льва
Николаевича Толстого**

Николай Николаевич Брешко- Брешковский

В Ясной Поляне у графа Льва Николаевича Толстого

«За дверью послышался немолодой мужской голос:

– Так вот вы приготовьте это на завтра, а теперь свободны... ступайте...

Это он, это его голос!

Мы переглянулись с Измайловым и – это не фраза – буквально замерли оба...»

**Николай Брешко-
Брешковский**

**В Ясной Поляне у графа
Льва Николаевича Толстого**

За дверью послышался немолодой мужской голос:

– Так вот вы приготовьте это на завтра, а теперь свободны... ступайте...

Это он, это его голос!

Мы переглянулись с Измайловым и – это не фраза – буквально замерли оба...

Распахнулись низенькие двери. Трое босых ребятишек шмыгнули мимо и затопотали вниз по лесенке.

А на пороге стоял Лев Николаевич в шелковой шапочке, старом летнем пальто и высоких сапогах.

Он поздоровался и спросил:

– Кто вы такие и чем занимаетесь?

Станный в чьих-нибудь других устах, вопрос этот вышел у него так мягко, славно, располагающе...

Мы назвали себя, сказали, что пишем рассказы, повести, работаем в газетах...

Толстой повторил:

– Рассказы, повести... все это для меня кажется теперь таким далеким, таким далеким!..

Я не выдержал:

– И это вы говорите, Лев Николаевич, вы, написавший такие бессмертные, громадной художественности романы, как «Война и мир» и «Анна Каренина»?!

Толстой улыбнулся тихо и чуть заметно, чарующей улыбкой.

– Я этим вещам не придаю серьезного значения; их и теперь уже начинают забывать, а лет через пятьдесят и совсем забудут...

Конечно, хотелось возражать и возражать... Конечно, Толстой-художник переживет многие десятки поколений. В глухих городишках Лигурийского побережья я встречал итальянцев, зачитывавшихся «Анной Карениной».

Но слова великого писателя звучали такой верой, такой незыблемой искренностью, что протестовать не хватало духу...

Лев Николаевич кивнул на дверь, за которой скрылись босые дети:

– Это гораздо нужней и полезней, чем искусство...

Под словом «это» разумелась деятельность последних десятилетий резко порвавшего с искусством Льва Николаевича. Его богослов-

ско-нравственные книги и беседы.

Толстой сидел сбоку небольшого письменного стола. Все в этой комнате было небольшое, уютное, интимное. И этажерка с книгами, и столик между двумя креслами с крохотной лампочкой. Только громадный клеенчатый диван с прямой спинкой и прямыми подлокотниками напоминал простор и ширь былых дворянских усадеб.

Этот диван пришлый в Ясной Поляне.

И у него своя история...

Я смотрел на Льва Николаевича, как говорится, во все глаза... Ни один из бесчисленных портретов не передает его таким, какой он на самом деле.

Повсюду – суровое, иногда прямо жестокое выражение. Ничего подобного! Какая-то мягкая, чарующая кротость, разумная кротость во всем его облике. Кротость человека, написавшего «о непротивлении злу». Нет даже и призрака дряхлой старости. Ясные, зоркие серые глаза пытливо, нащупывающе смотрят под пучками характерных толстовских бровей, Лев Николаевич не велик ростом, но впечатление крупной фигуры. Руки красивые, бе-

лые, даже бледные; молодые без морщин и неизбежных желтых пятен старости. От физического труда не загубели ничуть.

Коснулись текущих событий. К Думе Толстой относится отрицательно.

– Плохая Дума... Я не понимаю этого... Собрали людей с бору да с сосенки, посадили их в одно место и сказали: «Думайте!» Разве можно думать по заказу?.. К тому же большинство не знает народа, не любит его, не желает знать его истинных нужд... Нет, нам не ко двору парламентаризм. Не в духе он русского народа! Нам нужно что-то другое, что именно, я не знаю, но только не парламентаризм. Пример Европы показал, что и там он не нужен... Далек я от того, чтоб защищать и правящий класс. Он виноват, ужасно, бесконечно виноват, во всем, что теперь делается в России. Да, разложение полное... Какое всеобщее одичание, как притупились и выродились во что-то зверское, чудовищное азбучные нравственные понятия! Вчера вот пришли ко мне двое безработных: жалкие, голодные, оборванные. Денег просят:

«Дайте нам на револьвер!» – «Зачем на ре-

вольвер?» – «Мы хотим убить наших врагов, тех, кто против нас...»

С печальным лицом и с грустью в голосе рассказывал Лев Николаевич, но нельзя было не улыбнуться. К кому угодно могли обратиться безработные со своей нелепой и жестокой просьбой благословить их на убийство, но только не к Толстому, выстрадавшему свое непротивление злу и на днях перенесшему смерть близкого родственника от руки таких же безработных...[1]

Я спросил:

– Лев Николаевич, в дни свобод было напечатано в газетах ваше письмо к императору Александру III[2]. Получили ли вы на него ответ в свое время?

– Нет, никакого...

– А это правда, что государь сказал по поводу вашего письма: «Толстой хочет, чтобы я его сослал в Соловки, но я ему не сделаю этой рекламы».

– Правда...

Лев Николаевич спрашивал у нас, что выдвинула новейшая литература самобытного, яркого? В свою очередь мы интересовались

узнать его мнение о том или другом писателе.

Отдавая должное Горькому и Леониду Андрееву, он ставит им в минус их искусственность, манерность.

– Когда читаешь вещь, автор должен ступать за картинами, образами и героями; его не должно быть видно. Этим грешат и Андреев и Горький; они поминутно выглядывают между строк каждый по-своему... Вот кого я считаю самым талантливым из молодых – это Куприна. Прекрасная школа, полный объективизм. Очень хороши его картинки казарменной жизни. «Поединок» растянут, длинен, но маленькие рассказы доставляли мне большое удовольствие; мы их вслух читали...

– Что вы скажете о Короленко?

– Не нравится... Тенденциозен...

Из поэтов нынешних Толстой ценит очень Ратгауза. По его мнению, в стихах Ратгауза много музыкальности, искренности и красоты...[3]

Вошел слуга:

– Там учитель приехал с Байкала.

Лев Николаевич встал:

– Сейчас, простите...

И вышел твердой походкой, слегка согнувшись.

Мы остались одни. Уже не было солнца, уже сгущался вечер. В стеклянную дверь балкона был виден старый запущенный сад. Если бы он был другой – аккуратный, симметричный, – это не шло бы к Толстому.

Послышались быстрые женские шаги, и, шурша платьем, обрисовалась в дверях Софья Андреевна. Графиня сразу овладела разговором, и через минуту нам казалось, что мы уже давно, давно гостим в Ясной Поляне.

По поводу возраста Льва Николаевича Софья Андреевна заметила:

– Я немногим его моложе, мне шестьдесят три года... Если бы кто другой сказал, я не поверил бы! Прекрасный цвет лица, ни одной морщины, ни одного седого волоса. И это у матери девяти детей!

Какая великолепная, неувядающая пара – Софья Андреевна с Львом Николаевичем.

– Вы тяжело чувствуете, графиня, утрату вашего брата?

Бодрое живое лицо Софьи Андреевны омрачилось...

– Ах, это большое для меня несчастье!.. Я так любила покойного брата. Не потому, что он был мне близкий, но это был редкой души человек. Бескорыстный, он всего целиком отдавал себя на служение безработным... Тяжело ему было ладить с этими озлобленными людьми. Когда я была в Петербурге, совсем недавно, он мне жаловался, что они хватали его за горло, угрожая. «Мы тебя убьем!..» – «Что ж, убивайте», – отвечал брат.

В конце концов они исполнили свое обещание. Вообще теперь люди превратились в зверей. Вам рассказывал Лев Николаевич... на револьвер просили...

– Но у вас здесь, слава богу, спокойно?

– Не совсем. На днях мы были обворованы. Мужики соседней деревни украли у нас двадцать девять дубов...

Софья Андреевна занята капитальным трудом. Она пишет подробные воспоминания, обнимающие собой пространство времени больше полувека. Год за годом. День за днем. Теперь она остановилась на рубеже семидесятых и восьмидесятых годов.

Книги эти будут изданы за границей одно-

временно на нескольких языках.

Каждое слово графини дышит теплой, вдумчивой любовью к Льву Николаевичу. Взяв себе жизнь созерцательную, он все дела предоставил своей умной, энергичной жене. Она ведет переписку, переговоры.

Одна крупная заграничная издательская фирма предлагает миллион рублей за собрание сочинений Толстого.

– Но я не могла согласиться... Они желают в полную собственность...

– Теперь у нас нет нужды, но прежде, давно, мы были совсем бедные. Приходилось самой шить и для себя и для детей. Все они родились вот на этом диване; на нем же родился и Лев Николаевич.

У графини богатые литературные воспоминания... Картинно и живо набросала она одно из посещений Тургеневым Ясной Поляны. Он был весел, обаятелен и проплясал канкан, завезенный им из Парижа...

Встало перед нами многое далекое и забытое... Лев Николаевич в молодости сильно играл в карты и на бильярде. В короткий срок он поплатился двумя именьями. Однажды в

ночь он проиграл маркеру пять тысяч. После этого он перевелся на Кавказ, где жил скромно до чрезмерности, на несколько рублей в месяц.

В свою последнюю поездку в Петербург Софья Андреевна побывала в Думе. Не понравилась ей Дума.

– Я предполагала, что услышу дело, а вместо дела, какой-то Озоль или Мозоль битый час говорил о том, как у него совершали обыск...

Вошел Лев Николаевич и отобрал с этажерки несколько брошюрок для учителя с Байкала. Ушел и вернулся к нам. А Софья Андреевна покинула кабинет, чтоб распорядиться чаем.

– Лев Николаевич, – обратился я, – Анатолий Федорович Кони говорил как-то мне о том впечатлении, какое произвела на него в чтении ваша повесть «Хаджи-Мурат»[4]. Он в громадном восторге. Думаете ее печатать?

– Не знаю... может быть... Потом...

Измайлов полюбопытствовал:

– А вообще у вас много художественных замыслов, Лев Николаевич?

– Замыслов много, и чем дальше, тем их больше... но удастся ли осуществить их? Все меньше и меньше времени остается... Дойдемте чай пить...

Мы прошли во временную столовую. Временную потому, что в доме идет ремонт, и Толстые ютятся в нескольких комнатах. Мы уже были за столом, как подошли с прогулки Александра Львовна и доктор, Лев Николаевич сел в сторону у открытого окна и не пил чай. Александра Львовна откупорила ему бутылку с кефиром.

Коснулись живописи, Лев Николаевич интересовался, кого выдвинула за последнее время молодая школа. К символистам и декадентам не лежит его сердце. В пластическом искусстве, как и в литературе, он ценит искренность и реализм. Любимцы его: Репин, Ге, Суриков, Поленов, Виктор Васнецов, Нестеров...

– Какой больше всех ваших портретов нравится вам?

– Передающий меня лучше других, по-моему, портрет Крамского...

Оказывается, копия с Крамского, которую

мы видели в гостиной, написана Софьей Андреевной. По словам графини, это была ее первая попытка в живописи. Попытка блестящая, ибо можно было думать, что портрет копирован опытным, владеющим техникой мастером[5].

С Измайловым, магистрантом духовной академии, Лев Николаевич долго беседовал на богословские темы.

Единственный раз в жизни пришлось Толстому иметь дело с Победоносцевым. Неприятное осталось впечатление.

– В восемьдесят первом году я написал ему большое письмо по поводу казни царубийц... Победоносцев ответил мне. Он доказывал, старался убедить, что смертная казнь совершенно в духе христианства. Скверное было письмо...

– Лев Николаевич, это правда, что Победоносцев[6] служил вам натурщиком для Каренина?

– Ни Победоносцев, ни Валуев[7], как думали некоторые. Каренин фигура созданная... Догадки же относительно «Войны и мира» имеют основание. В семье графов Ростовых

много портретного сходства с нами, Толстыми...

Незаметно бежало время. Уже одиннадцать часов. Нам пора ехать в Тулу к ночному поезду.

Простились, вышли. В темноте позванивали бубенчики. Дорогой мы делились впечатлениями. И каждый признался, что вечер, проведенный в Ясной Поляне, один из самых светлых, чарующих в его жизни.

А кругом густилась темная, тяжелая, слепая мгла... Пруд меж косматыми деревьями мнился населенным кошмарными призраками...

В открытом поле лошади сбились с дороги... Накрапывал дождь.

Сноски

19 мая 1907 г. группа эсеров-максималистов убила брата С. А. Толстой, инженера путей сообщения Вячеслава Андреевича Берса.

[^^^]

2

В письме, отправленном в марте 1881 г. Александру III, Толстой призывал его помиловать приговоренных к смертной казни революционеров-первомартовцев.

[^^^]

О Ратгаузе и отношении к нему Толстого см.
ком. к интервью 1906 года.

[^^^]

А. Ф. Кони гостил в Ясной Поляне 1–4 апреля 1904 г. Тогда и могло происходить чтение глав «Хаджи-Мурата».

[^^^]

Ошибка: Софья Андреевна называла портрет «своим», так как заказала Крамскому копию для себя.

[^^^]

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907), обер-прокурор Синода, был ярким врагом Толстого и писал Александру III, что под влиянием сочинений писателя «умственное возбуждение» «угрожает распространением странных, извращенных понятий о вере, о церкви, о правительстве и обществе» (см.: Письма Победоносцева Александру III, т. 2, с. 253).

[^^^]

Петр Александрович Валуев (1814–1890), в 1861–1868 гг. занимал должность министра внутренних дел.

[^^^]